

ПИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Дмитриевич ШИЛЬЦЕВ¹

УДК 821.161.1

О ПОЛИФОНИИ СМЫСЛОВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

¹ доктор физико-математических наук,
член-корреспондент Болонской Академии наук (Болонья, Италия)
vladimir.shiltsev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3282-4701

Аннотация

Вопросы высшей герменевтики «Евгения Онегина» неоднократно рассматривались литературоведами и философами, оставляя широкий спектр по большей части субъективных мнений о смысле романа. Мы предлагаем новый подход к вычленению основных смысловых рядов и анализ их развития и переплетения в тексте. Нами вычленены ряд основных категорий смыслов и для каждой строфы романа отмечены одна или несколько наиболее подходящих категорий. Получившиеся графические структуры позволили проследить развитие и переплетения смыслов в тексте. Обнаружено, что три четверти строф «Евгения Онегина» относятся к полифоничным, в которых помимо одной смысловой доминанты явственно присутствует и другая, а зачастую и третья и даже четвертая. Проанализированы также наиболее часто встречающиеся связи смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от одной строфы к последующей строфе. Наш подход позволил также предположить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф, отмеченных в тексте отточиями, и проследить многочисленные эпизоды романа, когда происходящее выходит за рамки литературного произведения и выходит в реальный мир, например, посредством вовлечения читателя. Сравнение «Евгения Онегина» с произведениями других современных ему писателей и с другими шедеврами самого Пушкина выказывает кардинальное отличие в широте и превосход-

Цитирование: Шильцев В. Д. О полифонии смыслов «Евгения Онегина» / В. Д. Шильцев // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 76-107.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

ное совершенство пушкинского творения в аспекте смысловой полифонии. Хотя само наличие или отсутствие смысловой полифонии, конечно же, не является достаточным условием гениальности произведения — это более зависит от «исполнения»: комбинации отточенности стиля, чистоты и ясности языка, способности вызвать душевный отклик читателя, и т. д., но обнаруженная полифония смыслов «Евгения Онегина» помогает понять высший смысл и необыкновенную, «жизненную» гармоничность произведения, делающие его уникальным явлением мировой литературы.

Ключевые слова

Пушкин, Евгений Онегин, герменевтика, категории смыслов, полифония, пушкинистика, Бахтин.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

Введение

В то время, как большинство читателей «Евгения Онегина» (далее — *Е. О.*) отмечают видимую легкость и простоту этого романа в стихах, а русскоязычные читатели без труда могут еще и наслаждаться его удивительным поэтическим языком, все вдумчивые критики единодушно соглашаются, что это очень проблемный роман и труднейшее произведение Пушкина. Вопрос «*О чем, в сущности, Евгений Онегин?*» [2] обсуждается до сих пор, вызывая иногда либо совсем раздраженные отклики типа «...*Какая общая мысль остается душе после чтения Онегина? — Никакой... при создании «Онегина» поэт не имел никакой мысли...*» [29] или восхищенно-парадоксальное «...*роман утекает у нас сквозь пальцы... он неуловим, как воздух, грозя истаять в сплошной подмалевок и, расплывшись, сойти на нет — в ясную чистопись бумаги*» и, как результат — обобщение: «...*пустота — содержимое Пушкина*» [36].

Понимание смысла, кроме желания, требует еще и анализа, разъяснений и пояснений. Ю. М. Лотман выделял текстуальные пояснения, «объясняющие текст, как таковой», и концепционные, «разного рода интерпретации» [21]. Следует отметить, что иерархия смыслов, требующих анализа, несколько сложнее: во-первых, это «микро-смыслы» нуждающихся в понимании отдельных слов и выражений, например, Лель, Веспер, «недремлющий Брегет», «пучок зари», даже отдельные знаки препинания [26], и прочее. Долгое время этот уровень смыслов не считался важным и подразумевалось, что образованный читатель и так все знает. Однако это было не так, особенно для поколений далеко не современных времени создания романа. Этот важный пробел восполнялся по мере накопления необходимости и в середине-конце прошлого века был в значительной степени закрыт комментариями В. В. Набокова [45] и Ю. М. Лотмана [21].

Следующий уровень — «мезо-смыслы» фраз, действий и явлений, определяющие понимание отдельных сцен или целых строф, например «*мой брат двоюродный, Буянов*», «*гусь тяжелый*», или «*роман во вкусе Лафонтена*». Сюда

же относятся стилистические заметки, реминисценции, галлицизмы и некоторые бытовые комментарии, эпитафьи и эпитаграмматические цитаты [11, 16, 22], хронология событий, анализ ритма и темпа строф [3, 15], географические разъяснения [20], и прочее. Надо сказать, что первым комментатором такого рода был сам Пушкин, включивший 44 своих собственных примечания уже в первое полное издание *Е. О.* 1833 года. С тех пор появился широкий спектр соответствующих материалов, включая, в частности, объяснительные статьи сопровождающие издания *Е. О.* такие как [12, 18, 30] или относительно недавние публикации [34-35]. Уже на этом пути стало понятно, что сложность *Е. О.* требует «вдумчивого чтения» и «тотального комментария» [40].

Если первые два уровня смыслов («микро-» и «мезо-») в основном относятся к тому «что происходит» в каждой локальной точке романа, то «макро-смысл» не только включает в себя развитие сюжетных линий по главам, но и проникновение в их суть — «почему или зачем это происходит». Например, В. В. Набоков во введении к своему переводу *Е. О.* (“The Structure of ‘Eugene Onegin’”, [46]) выделил основные темы (Петербург, дендизм, деревня, Москва, чувства, зима, поэт, высший свет, предчувствия, деревня, и прочее) и попытался проследить их взаимосвязь и переключку по главам, но в результате получился более пересказ сюжета для англоязычного читателя, нежели проникновение в суть происходящего. В. С. Непомнящий в [27] обозначил и рассмотрел «проблемы» романа, такие как хандра, потребительская философия, мотивы поступков героев, любовь, эпическая муза, жертва, динамика и суть развязки и прочее. Сюда же следует отнести и такие вопросы как нарушения кодекса в произошедшей дуэли, умел ли Онегин любить, каковы связующие элементы четырех встреч Онегина и Татьяны, композиция и структура глав, литературные переключки с поэтами-современниками Пушкина, смысл сна Татьяны, и т. д. И конечно же, поднятые в романе духовные проблемы, связанные с переживаниями состояний безверия и одиночества, безнадежности и бессмысленности бытия, и экзистенциальные вопросы счастья, судьбы и несовершенства мира ставят вопрос о высшем смысле *Е. О.*, о глубинной сути произведения — «что же это?».

Помимо филологов, литературоведов, историков и пушкинистов, изучавших *Е. О.* — см. обширный список значимой литературы в «Пушкинской энциклопедии» [41], широкий спектр зачастую противоречивых интерпретаций «макро» и особенно высшего («мега-») смысла романа предлагается как литературными критиками, начиная с В. Г. Белинского [9, 13, 23], так и писателями (Ф. М. Достоевским [17], А. А. Ахматовой [4], А. Д. Синявским [36] и др.), философами [38] и богословами [19] — см. также недавний обзор в [33].

Методы

В данной работе, мы проводим структурный анализ «макро-смыслов» *Е. О.* Как известно, внимание на многогранность и многоуровневость романа сразу же обратили внимание не только критики — «*Онегина*» можно назвать энцикло-

педией русской жизни и в высшей степени народным произведением» писал В. Г. Белинский [9], но и собратья Пушкина по перу — «Фабула Онегина проста... для длинной поэмы; но, изображая домашнюю жизнь и рисуя картины русской природы, Пушкин неистощим по богатству комических, трагических или романтических мотивов. Его слог — чудная проза, которая незаметным образом меняет колорит и форму. От оды он переходит к эпиграмме, и вдруг вас поражают сцены, дышащие почти эпическим величием» [25, с. 163]. Сам автор в посвящении тоже прямо указывал на это:

...Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

(Вступление к первой главе)

Здесь и далее — цитирование по [31], главы обозначаются арабскими цифрами, а строфы — римскими.

Следуя этой логике, мы полагаем рациональным выделить и проследить в романе семь крупных смысловых категорий, отличающихся по сути и уровню абстракции, а именно:

- «Автор» — рассказчик, Александр Сергеевич Пушкин, о нем, его отношение, прямая речь;
- «Герои» — фабула, канва и развитие событий;
- «Мысли» — рассуждения, заметки, описания;
- «Поэзия» — лирика, высокие поэтические чувства, природа;
- «Энциклопедия» — описания и приметы русской жизни;
- «История» — исторические реминисценции, государство и жизнь все-народная;
- «Божественное» — высший смысл, правда, вечное, катарсис.

Для каждой строфы романа мы выделим одну или, если потребуется, несколько из вышеприведенного списка смысловых доминант, названия которых, конечно же, условны ввиду того, что, как мы увидим ниже, их границы зачастую довольно размыты. Надо сразу же признать, что присвоение смыслов субъективно и отражает понимание конкретного читателя, но тем не менее, во-первых, подобный анализ легко воспроизводится и отклонения могут быть отслежены каждым и, во-вторых, мы смеем надеяться, что наиболее общие выводы нашего анализа не будут зависеть от небольших деталей и разночтений. Приведем чуть более развернутое описание используемых категорий.

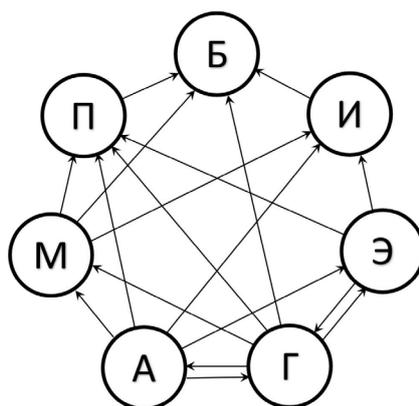

Рис. 1. Основные смыслы «Евгения Онегина»: схематика анализа и отношений. Условные сокращения категорий смыслов: Г — «Герои», А — «Автор», М — «Мысли», П — «Поэзия», Э — «Энциклопедия», И — «История», Б — «Божественное»

Fig. 1. The main meanings of “Eugene Onegin”: schematic analysis and relationships. Conventional abbreviations of the categories of meanings: H — “Heroes”, A — “Author”, T — “Thoughts”, P — “Poetry”, E — “Encyclopedia”, H — “History”, D — “Divine”

«Автор»: как отмечается всеми исследователями, автор и его Муза являются активнейшими героями романа. Прямая речь Пушкина, биографические факты о нем, его сложный внутренний мир и отношение к героям и происходящему с ними занимают определяющее место в *Е. О.* Он и повествователь, и участник событий, и комментатор, активно вовлекающий читателя (внешний мир романа) во внутренний мир *Е. О.*, и его присутствие ощутимо с первых строк посвящения и первых глав — например, строфа:

*Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума...*

(1, XXIX)

и до самой последней строчки самой последней страницы:

Итак, я жил тогда в Одессе...

(Путешествие Онегина)

«Герои»: Сюжет романа от самого начала до самого конца ведут четыре главные героя — Онегин, Татьяна, Ольга и Ленский — от:

*Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут...*

(1, XV)

или

*Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,...*

(6, XIII)

до

*Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен...*

(8, XLVIII)

Помимо них сюжетные линии романа поддерживаются еще одиннадцатью действующими лицами: отец и дядя Онегина, Прасковья Ларина, Дмитрий Ларин, Филиппевна, Трике, Анисья-ключница, слуга Гильо, Зарецкий, княжна Алина, генерал князь N (если учитывать «Отрывки из путешествия Онегина», то надо сюда добавить еще и поэта Туманского и одесского купца) и 80-ю неактивными, эпизодическими персонажами — от *Madame* и *Monsieur l'Abbe* (1, III) до храпящего мужа негодяйки молодой («Отрывки из путешествия Онегина»). Интересно, что автором *Е. О.* задействованы три реальных человека: сам Пушкин — «...*Онегин был готов со мною увидеть чуждые страны*» (1, LI); П. П. Каверин «*К Талон помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин*» (1, XVI); П. А. Вяземский «*У скучной тетки Таню встретив, к ней как-то Вяземский подсел и душу ей занять успел*» (7, XLIX).

«Мысли»: как автор, так зачастую и главные герои, постоянно отвлекаются на всевозможные рассуждения и заметки, излагают свои и чужие мысли, афоризмы и максимы — в качестве примером можно привести целые строфы или отдельные строки:

*А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен — и в романе,
И там уж торжествует он.*

(3, XII)

*...Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян*

(5, XLII)

*...Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.*

(8, XXIV)

«Поэзия»: будучи не просто романом, «...а роман[ом] в стихах — дьявольская разни́ца» (из письма Пушкина П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 года), Е. О. весь переплетен лиризмом и высокой поэзией. От хрестоматийного

*... Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,...*

(4, XL)

до множества прекраснейших стрóf —

*Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невоею,...*

(1, XLVII)

*Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга....*

(7, I)

*Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,...*

(8, XXIX)

и др. Хотя многие из этих стрóf зачастую могут рассматриваться как независимые стихотворения, они органически вплетены в общую канву романа, отражают состояние внутреннего мира героев и автора [43]. Выдающимися лирическими вставками являются песня девушек и сон Татьяны. Этот «чудный сон» является не только проблемным и композиционным центром Е. О., но и потрясающе стилистически выверенной лирической новеллой в романе. В определенном смысле, удивительная поэтичность Е. О. зачастую отвлекает и затрудняет понимание всей глубины романа, поскольку все произведение, все смысловые аспекты его пронизаны поэзией — «...Лирика пушкинского романа, не в „лирических отступлениях“ (во всяком случае, не главным образом в них), не на периферии или в отдельных участках, но прежде всего в основании целого» [10].

«Энциклопедия»: Е. О. приводит широкую картину быта и жизни всех слоев русского общества начала XIX века и эту черту романа отмечали, как современники («...Прежде всего в „Онегине“ мы видим поэтически воспроизведенную

картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития» [9]), так и особенно в советской пушкинистике [23]:

...Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,...

(1, XXXV)

— И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь...

(3, XVIII)

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;...

(7, XXXIV)

Глядишь — и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,...

(Путешествие Онегина)

Этой же цели служат более 100 исторических или литературных персонажей, упомянутых в романе, и приведены около 50 отсылок на различные географические места или регионы (т. е., много шире, чем основные места действия — Петербург, треугольник деревень Онегина, Лариных и Красногорья, и Москва — по словам Пушкина: «Петербург — прихожая, Москва — гостиная, деревня есть наш кабинет»).

«История»: Как писал И. М. Тойнбин «Одна из наиболее примечательных особенностей пушкинского „романа в стихах“ „Евгений Онегин“ — его глубокий, всепроникающий историзм... В „Евгении Онегине“ в перспективе истории была эстетически освоена современная поэту действительность, запечатлены самый процесс взаимосвязей прошлого и настоящего, переходы одного в другое, смена ритмов и состояний духовной жизни общества. В романе изображена современность, становившаяся уже историей, и история, продолжающая оставаться остро злободневной и современной. Никогда прежде в русской поэзии не передавались еще столь осязаемо, как в «Евгении Онегине», динамика истории, самое протекание исторического времени, не воссоздавалась движущаяся панорама эпохи» [37]. Помимо «всепроникающего историзма», в романе есть и ряд четких, однозначных ссылок на вполне конкретные исторические события из жизни Российского государства, повлиявшие на народную жизнь, например:

*Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел!...*

(7, XXXVII)

*...Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!*

(6, V)

или

*«Poor Yorick! - молвил он уныло, -
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!...*

(2, XXXVII)

Отметим, что события войны с Наполеоном и восстания декабристов весьма ярко представлены в начальных четверостишиях тщательно зашифрованных Пушкиным первых шестнадцати строф неопубликованной при жизни Пушкина 10-й главы.

«Божественное»: Роман поднимает многочисленные вопросы высшего уровня о смысле жизни и совести, о судьбе и личной воле, о долге и правде, о добре и зле [27]:

*И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир
Под камнем сим вкушает мир.*

(3, XXXVI)

*...Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.*

(8, XLVII)

*Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрывают ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.*

(6, XXXII)

«Иррациональность реализма романа» [28] проявляется в том числе и в изображении любви, как кульминации нравственной жизни героев, их шагу к высшей и вечной правде и как последней надежде воскреснуть.

Интересной особенностью *Е. О.* является то, что все вышеперечисленные категории смыслов предстают не в иерархичном формате (высшее находится внутри предыдущего, «слоями»), а как бы параллельно и во взаимодействии. Рис. 1 в схематической форме изображает эту конструкцию смыслов романа и наиболее очевидные их связки, и наиболее часто встречающиеся переходы от одного к другому.

Если взять в качестве примера «Отрывки из путешествия Онегина» и разложить их по предложенным семи смыслам, то получится нечто вроде нотного стана, в котором каждой части (строфе) соответствует одна или несколько наиболее очевидных доминантных нот (рис. 2). Если самое начало «Путешествия...» (первое прозаическое объяснение) и его конец полностью принадлежат автору (авторская речь; отмечены, как **А**), то большинство из остальных стрóf многозначны и содержат как главную «ноту», обозначенную большим плотным **О**, так и явственно заметные другие смыслы, отмеченные малым **о**. Одна из самых сложно-составных — восьмая по счету строфа (строфы «Путешествия...» не нумерованы автором):

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.

В ней совершенно очевидны три ноты **А**, **П** и **Б**, отмечающие присутствие автора (вся эта строфа о нем: «...нужны мне картины», «...мои желанья»), так и потрясающей поэтической высоты строки «...перед избушкой две рябины, // Калитку, сломанный забор, // На небе серенькие тучи, ...» и далее, рисующие томящую картину средней России, плавно переходящие к коде, выводящей читателя на мысли о смысле жизни вообще, о счастье, о нашем Божественном предназначении. Подобная полифоничность смыслов *Е. О.* — скорее правило, чем исключения и для основного текста *Е. О.*, рассмотренного ниже.

Полифония смыслов «Евгения Онегина»

На рис. 3 I-VIII представлены результаты смыслового анализ 389 строф (включая пропущенные, отмеченные в тексте отточиями) основных глав «Евгения Онегина» с первой по восьмую. Фабула, конечно же доминирует во всех главах, но наибольшее место — почти половина — героям и сюжету отведено во второй главе («Поэт» — по классификации, составленной Пушкиным в Болдине осенью 1830 года) и в шестой главе («Поодинок»). Описания и приметы современной автору русской жизни являются лейтмотивом «Отрывков из путешествия Онегина» и первой главы («Хандра»). Поэтические сцены ярче всего представлены в пятой («Про именины») и третьей («Барышня») главах, а отвлеченные рассуждения и мысли — в четвертой («Деревня») и последней («Большой свет»). В первой главе («Хандра») автор очень подробно представляет себя и продолжает значимо присутствовать во всех последующих главах, за исключением седьмой («Москва»). Интересно, что в этой же главе наиболее сильно проявлены исторические события. Духовный катарсис и религиозное чувство наиболее сильно проявлены в дуэльном эпизоде шестой главы и заключительных сценах восьмой. Таблица 1 кратко суммирует эти выводы.

Надо отметить, что три четверти строф *Е. О.* можно отнести к «многосмысловым» или полифоничным, т. е. таким, в которых помимо одной смысловой доминанты явственно присутствует и другая. Наиболее часто встречающиеся связки смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от строфе к последующей строфе это А-П («Автор» — «Поэзия»), Г-П («Герои», чаще всего Татьяна и Ленский — «Поэзия»), А-М («Автор» — «Мысли»), Г-М («Герои» — «Мысли»), Г-Э («Герои» — «Энциклопедия»), Г-А («Герои» — «Автор»), и Г-Б («Герои», чаще всего Татьяна — «Божественное»). Примерно каждая шестая строфа *Е. О.* выделяется по еще более сложной полифонии и позволят идентифицировать в ней три и более смысловых категории (Таблица 2). Наиболее многозвучными являются несколько строф третьей главы (3, XXIV), (3, XXVI), и особенно пять строф последней главы (8, V), (8, XLIV), (8, XLVI), (8, XLVII), и (8, L). Графическое представление смыслов на рис. 3 позволяет увидеть плавные, долговременные циклы переходов по всему спектру категорий смыслов, выглядящие как переливы высоты нот снизу доверху и обратно и длящиеся несколько, иногда более десятка строф. Наиболее явно они прослеживаются в главах 1-4 и 7.

Интересно проследить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф *Е. О.*, отмеченных в тексте отточиями. Если некоторые из них находятся в спокойном течении романа, при котором смысловые доминанты предыдущих и последующих строф одинаковы (строфы IX, XIII-XIV, XXXIX-XLI первой главы, строфы XV-XVI, XXXVIII шестой главы (см. рис. 3), то другие размещены в местах значительных смысловых переходов (строфы XXXVII-XXXVIII, XLIII пятой главы, строфы VIII-IX, XXXIX седьмой главы и, особенно строфы I-VI, XXXVI четвертой).

Как уже упоминалось выше, происходящее в *Е. О.* часто выходит за рамки произведения и выходит в реальный мир. В качестве иллюстрации, на рис. 3. I-VIII светло-серым фоном выделены элементы 56 строф, содержащие обращение к читателю, призывающее его участие, домысливание или оценку происходящего.

Глава Первая

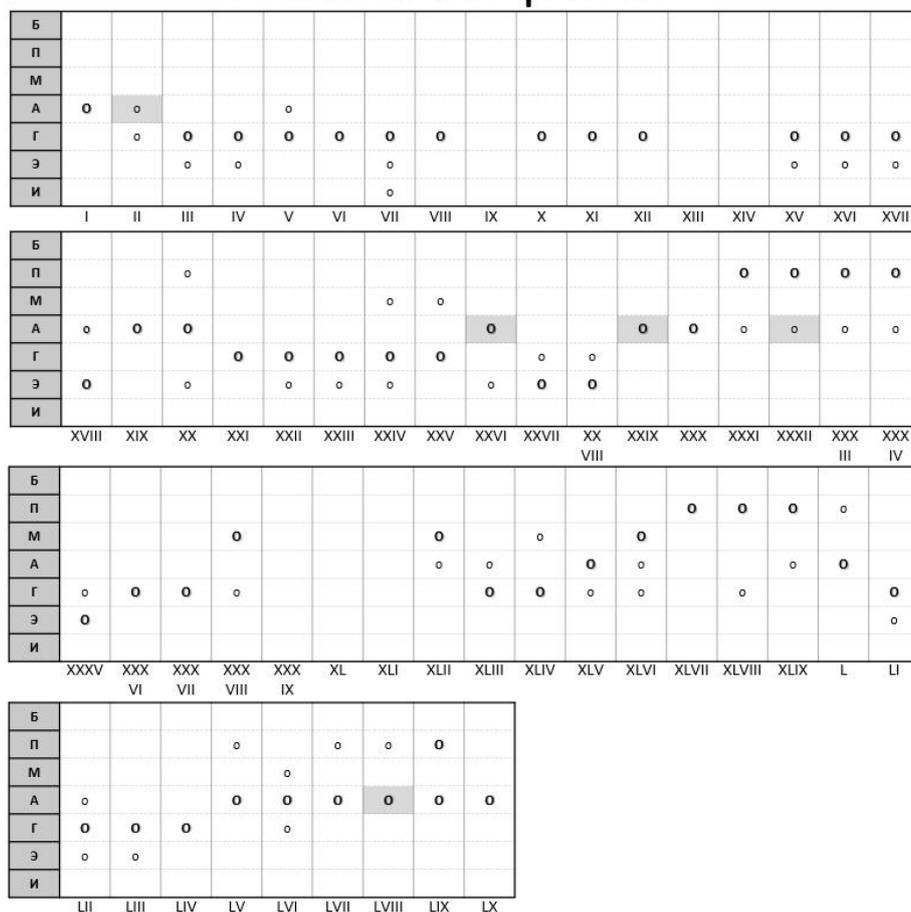

Рис. 3. I-VIII: Смысловый анализ глав «Евгения Онегина». Условные сокращения категорий смыслов: Г — «Герои», А — «Автор», М — «Мысли», П — «Поэзия», Э — «Энциклопедия», И — «История», Б — «Божественное». Смысловая доминанта каждой строфы обозначена большим плотным О, проявляющиеся дополнительные смыслы отмечены малым о. В строке Г — «Герои» буквами О, Т, Л, О обозначены сюжетные появления соответственно Онегина, Татьяны, Ленского и остальных персонажей. Светло-серым фоном выделены места текста, содержащие обращение к читателю

Fig. 3. I-VIII: Semantic analysis of the chapters of “Eugene Onegin”. Conventional abbreviations of the categories of meanings: H — “Heroes”, A — “Author”, T — “Thoughts”, P — “Poetry”, E — “Encyclopedia”, H — “History”, D — “Divine”. The semantic dominant of each stanza is indicated by a large dense O, additional meanings that appear are marked by a small o. In the line H — “Heroes” the letters O, T, L, O indicate the plot appearances of Onegin, respectively. Tatyana, Lensky and other characters. The light gray background highlights the places of the text containing an appeal to the reader

Глава Вторая

Б																	
П	о							о	о	о							
М						о	о				о		о	о	о	о	о
А		о										о		о			
Г	о	о	о	о	о	л	л	л	л	л	ло	л	ло	о	о	ол	о
Э		о	о	о	о	о						о					
И				о													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П			о	о	о					о	о						
М	о	о					о		о				о				
А						о	о										
Г		ол	л	о	ол	о	т	т	т	т	т	т	т	м	м	м	м
Э									о	о		о	о	о	о	о	о
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXX III	XXX IV

Б		о		о													
П																	
М				о	о	о											
А					о	о											
Г	м	м	л	л													
Э	о	о															
И			о														
	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	LI											

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Третья

Б																	
П					о		о	о	о	о		о			о	о	о
М							о			о	о	о	о	о			
А												о	о				
Г	ол	ол	ол	ол	ол	т	т	т	т	т					т	т	т
Э	о		о			о											
И																	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б															о		
П		о	о	о	о	о	о						о	о	о	о	о
М					о	о	о	о	о	о	о	о					
А					о	о	о		о	о	о	о	о	о			
Г		т	т	т			т	т	т			т				т	т
Э	о								о	о							о
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	II	XXXII	XXXIII

Б																	
П				о	о	о	о	о	о								
М																	
А																о	
Г	т	т	тл	т	т	т		т	то								
Э						о	о										
И																	
	XXXIV	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI									

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Четвертая

Б																		
П							о				о	о					о	о
М							о	о	о	о			о	о	о	о		
А																		
Г									о	о	о	от	от	от	от	от	от	от
Э																		
И																		
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	

Б																		
П							о	о	о	о	о					о		о
М	о	о	о	о	о						о	о	о	о	о	о	о	о
А	о	о	о	о	о		о				о	о	о		о	о	о	о
Г	о						т	т	л	л	л				л			л
Э																		
И																	о	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV

Б																		
П							о	о	о	о		о	о	о				о
М			о		о													о
А	о											о	о	о				о
Г			о		о						ол				ол	ол	л	л
Э																		
И																		
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	LI	

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Пятая

Б																	
П	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	
М							о										
А			о							о							
Г				т	т	т	т	т	о	т	о	о	о	о	о	от	
Э								о	о								
И				о													
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П	о	о	о	о				о	о				о	о	о		о
М					о	о											
А															о		
Г	от	от	от	от	т	т	т			т	т	тло	т	от		т	то
Э								о	о	о	о	о					
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV

Б																	
П																	
М		о								о							
А		о				о											
Г							ол					ол	ол				
Э	о				о												
И																	
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV						

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Шестая

Б			о														
П			о										о				о
М						о	о		о	о	о						
А							о										
Г	о	т	т	о	о	о	о	о	о	о	о	л	л	л			л
Э		о		о	о						о	о					
И					о												
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б													о		о		
П	о	о	о	о	о								о	о	о		
М						о					о					о	о
А						о											
Г	т	л	л	л	л	л	о	о	ол	ол		ол	ол	ол			
Э								о									
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXX II	XXX III	XXX IV

Б																	
П		о	о			о	о	о									о
М		о	о		о			о	о	о	о	о	о	о			
А		о						о	о	о	о	о	о	о			
Г	о																
Э																	
И																	
	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI					

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Седьмая

Б																	
П	о	о	о	о	о	о					о	о	о	о	о	о	
М				о						о	о						
А																	
Г				от		т				л	л	т	т	т	т	т	
Э																	
И																	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б																	
П		о	о	о							о	о	о		о		
М	о				о	о	о								о	о	
А																	
Г	от	т	т	т	о	о	от	т	т	т	т	т	т	т	т	т	
Э								о	о	о				о	о		
И																о	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV

Б																	
П																	
М								о			о	о	о	о	о		
А		о															
Г	т					о	о	о	т	т	т	т	т	т	т	т	
Э	о			о		о								о	о	о	
И		о	о	о													
	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	LI

Б				
П	о			
М	о			
А	о			о
Г		т	т	т
Э		о		
И				
	LII	LIII	LIV	LV

Продолжение рис. 3

Fig. 3. (continued)

Глава Восьмая

Б																	
П			о	о	о												
М								о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
А	о	о	о	о	о								о	о	о		
Г					т	т	то	о	о			о	о	т	т		о
Э					о	о											
И																	о
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII

Б										о							
П			о	о	о							о	о		о	о	о
М						о	о	о	о	о	о			о			
А																	
Г	о	от	о	о	о	о				о	т		о	о	о		о
Э																	
И																	
	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XX VIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	II	XXX III

Б													о	о			
П	о		о	о	о		о	о	о	о	о	о	о	о			о
М		о										о	о	о	о	о	о
А		о			о	о									о	о	о
Г	о	о	о	о	о	о	от	то	то	то	то	то	то	то	о		
Э						о						о					
И																	
	XXX IV	XXXV	XXX VI	XXX VII	XXX VIII	XXX IX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L

Б	о
П	о
М	о
А	о
Г	
Э	
И	

L

Окончание рис. 3

Fig. 3. (end)

Таблица 1

Частотность смыслов “Евгения Онегина” (основные главы с первой по восьмую) на основании анализа, приведенного на рис. 3

Условное сокращение	Категория смыслов	Процентное соотношение проявлений	Полное число проявлений
Б	Божественное, высшее, правда, вечное, катарсис	1%	5,5
И	История, государство, жизнь всеобщая	1.4%	7
Э	Энциклопедия русской жизни	8%	44,5
А	Автор, А. С. Пушкин, о нем, его отношение, прямая речь	12%	67
М	Мысли, рассуждения, заметки, описания	17%	94
П	Поэзия, высокие чувства, природа, лирика	22.6%	125
Г	Герои, фабула, канва и развитие событий	38%	208,5

Примечание: при вычислениях числа проявлений смыслов для полифоничных строф использовались единичный вес для основной категории смысла, обозначенной большим знаком **О**, и половинный вес для вторичной категории, отмеченной малым **о**. Соответствующие процентные соотношения вычислены делением числа проявлений определенной категории смысла на полное число проявлений для всех категорий (сумму чисел в последней колонке, равную 551,5).

Table 1

The frequency of meanings of “Eugene Onegin” (the main chapters from the first to the eighth) based on the analysis given in fig. 3

Note: when calculating the number of manifestations of meanings for polyphonic stanzas, a unit weight was used for the main category of meaning, indicated by a large **O**, and half weight for a secondary category, marked by a small **o**. The corresponding percentages are calculated by dividing the number of manifestations of a certain category of meaning by the total number of manifestations for all categories (the sum of the numbers in the last column, equal to 551.5).

Таблица 2

Объем и частотность смыслов по главам «Евгения Онегина»

Table 2

The volume and frequency of meanings according to the chapters of “Eugene Onegin”

		III	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	PO	Итого
	Число строк	17	756	560	661	630	588	602	728	758	264	5564
	Число строф	1*	60	40	41	51	45	46	55	51	21	411
	вкл. полифон.		39	38	36	34	31	30	43	40	13	304
	полифон. > 3		5	10	12	7	5	9	3	14	3	68
Б	Божественное		0	1.5%	1%	0	0	2.5%	0	3%	2%	
И	История		0.6%	1.5%	0	0.7%	1%	1%	6%	0	4%	
Э	Энциклопедия		18%	14%	7%	0	12%	5%	7%	2%	34%	
А	Автор		25%	8%	15%	17.3%	7%	10%	3%	13%	25%	
М	Мысли		6.4%	17%	12%	29%	5%	18.5%	22%	26%	14%	
П	Поэзия		14%	11%	32%	20%	37%	20%	26%	21%	14%	
Г	Герои		36%	47%	33%	33%	38%	43%	36%	35%	7%	

Примечание: III обозначает посвящение (написанное нестандартной строфой; впервые — в первом отдельном издании четвертой и пятой глав 1828 года — П. А. Плетневу, указание имени впоследствии снято);

PO — «Отрывки из путешествия Онегина», напечатанные во втором, последнем прижизненном полном издании 1837 года. Письмо Татьяны к Онегину и песня девушек учтены в главе третьей, письмо Онегина к Татьяне — в восьмой главе; пропущенные строфы включены в статистику. При вычислениях частотности для полифоничных строф использовались единичный вес для основной категории смысла, обозначенной большим знаком **O**, и половинный вес для вторичной категории, отмеченной малым **o**.

Note: III denotes a dedication (written in a non-standard stanza; for the first time — in the first separate edition of the fourth and fifth chapters of 1828 — to P. A. Pletnev, the indication of the name was subsequently removed); PO — “Excerpts from Onegin’s Journey”, published in the second, last lifetime full edition of 1837. Tatyana’s letter to Onegin and the song of the girls are taken into account in chapter three, Onegin’s letter to Tatyana — in the eighth chapter; the missing stanzas are included in the statistics.

When calculating the frequency for polyphonic stanzas, a unit weight was used for the main category of meaning, marked with a large **O**, and half weight for the secondary category, marked with a small **o**.

Результаты исследования и их обсуждение

Наш анализ однозначно выявляет полифонию «мега»-смыслов «Евгения Онегина», позволяет проследить динамику смысловых переходов и математически оценить прекрасную гармонию этого уникального произведения. Многозвучность и многозначность романа и ранее отмечалась пушкинистами. Например, Ю. Н. Чумаков, анализируя *Е. О.*, отмечал «... мы видим в нем нерасторжимое сплетение явлений внешней действительности, предметности с предметной символикой, человеческими поступками и переживаниями — и все это выступает в аранжировке стиха, что и дает право говорить о сюжетной полифонии» [41], понимаемой и как «многоголосие» в бахтинском смысле [8, 44] и как гармоническую под-структуру в наших категориях «Герои» и «Автор» (например, линия Татьяна-Ленский отдельно рассмотрена в [5]), М. М. Бахтин называл *Е. О.* энциклопедией стилей и языков эпохи [6], статья о *Е. О.* в «Пушкинской энциклопедии» [41] обращает внимание не только на сюжетную и стилистическую, но и на жанровую полифонию романа.

С точки зрения полифонии смыслов, *Е. О.* кардинально отличается широтой от других шедевров Пушкина. Малые формы (лирические стихотворения, элегии, послания, оды, сказки и др.) зачастую гениально представляют автора и его мысли (категории **A** и **M**), но ограничены обычно одной или двумя смысловыми категориями — например, поэзией или историческими событиями, или, как в произведениях Каменноостровского цикла, отражают наполнение религиозного символизма, христианских идей и образов личным содержанием (категории **A** и **B** нашей схемы). Даже наиболее значительные, большие по формату произведения не предполагают полного спектра смыслов *Е. О.* Например, жизненные обстоятельства разных слоев общества (**Э**) не находят места в замысле «Полтавы» и «Маленьких трагедий», последние также не содержат изложения исторического контекста (**И**), лирическая составляющая (**П**) слаба в «Борисе Годунове» равно как и в «Капитанской дочке», написанной прозой, и во всех них или отсутствует или почти не слышен голос автора (**A**), столь живой и важный в *Е. О.*

Сравнение *Е. О.* с другими современными ему писателями тоже выказывает превосходное совершенство пушкинского творения, в том числе и аспекте полифонии смыслов. Например, «Горе от ума», будучи в целом гениальной сатирой на московское аристократическое общество, прекрасно в смысле афористичной поэтики, сюжета и полно интереснейших замечаний и рассуждений (категории **Г**, **П** и **M** нашей схемы), но отсутствуют как автор с его прямой речью и мыслями (**A**), так и категории смыслов **И**, **Э** и **B** — история, широта среза в изображении общества и поиски высшего, Божественного смысла.

Смысловой разбор первой главы «Фауста» И. В. Гете, опубликованной в 1808 году [14], приведен на рис. 4. Эта философская драма имеет свою сверхзадачу и выстроена в совершенно другом ключе, нежели *Е. О.*, и является по общему признанию вершиной немецкой поэзии. Пушкин, к примеру, писал «... *Фауст*» есть величайшее создание поэтического духа: он служит представи-

Само наличие или отсутствие смысловой полифонии, конечно же, не является достаточным условием гениальности произведения — это более зависит от «исполнения»: комбинации отточенности стиля, чистоты и ясности языка, способности вызвать душевный отклик читателя, и т. д. — всего, что составляет «волшебную силу искусства». К примеру, прекрасные поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Дон-Жуан» формально содержат все те категории смыслов, что и *Е. О.* — *Г, П, М, А, И, Э и Б* — но вызывают совершенно другое впечатление. Д. С. Мережковский так описал это: «...*Некоторые критики считали величайший из русских романов подражанием Байронову Дон Жуану. Несмотря на внешнее сходство формы, я не знаю произведений более отличных друг от друга по духу. Веселая мудрость Пушкина не имеет ничего общего с едкой иронией Байрона. Веселость Пушкина — лучезарная, играющая, как пена волн, из которых вышла Афродита. В сравнении с ним, все другие поэты кажутся тяжкими и мрачными — он один, светлый и легкий, почти не касаясь земли, скользит по ней, как эллинский бог*» [24, с. 105]. Пушкин, сам переживший увлечение Байроном, выразился на этот счет еще более точно и жестко:

...Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

(3, XII)

Заключение

В этой статье мы разработали новый подход к анализу смыслов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Нами вычленены семь основных категорий смыслов — условно, см. выше, «Герои», «Автор», «Мысли», «Поэзия», «Энциклопедия», «История» и «Божественное» — и для каждой строфы романа отмечены одна или несколько наиболее подходящих категорий. Получившиеся графические структуры наподобие нотного стана с нотами (рис. 2 и 3) позволяют проследить развитие и переплетения смыслов в тексте. Обнаружено, что три четверти строф «Евгения Онегина» относятся к многосмысловым или полифоничным, т. е. таким, в которых помимо одной смысловой доминанты явственно присутствует и другая, а зачастую и третья и даже четвертая, как, например, некоторые строфы в конце последней главы. Прослежены наиболее часто встречающиеся связки смыслов в индивидуальных строфах или при переходе от одной строфы к следующей строфе, такие как «Автор» — «Поэзия», «Герои» — «Поэзия», «Герои» — «Автор», «Герои» — «Божественное» и др. Наш подход позволил также предположить возможную смысловую нагрузку пропущенных строф (отмеченных в тексте отточиями) и проследить многочисленные эпизоды романа, когда происходящее выходит за рамки литературного произведения и выходит в реальных мир, например, посредством вовлечения читателя.

Обнаруженная полифония смыслов помогает понять суть и необыкновенную, «жизненную» гармоничность «Евгений Онегин», делающие его уникальным

явлением мировой литературы. Среди основных аспектов высшего («мега»-) смысла романа, проявившихся в результате проведенного исследования, можно отметить:

- 1) Пушкин чудесным образом явился как демиург, «творец и отец» не только высокохудожественного мира романа, но и живой расширенной реальности, частью которой являемся мы сами, автор, герои, страна и мир;
- 2) соответственно, вопрос о высшем смысле романа некорректен, поскольку «*Quod vitae tst vita*», т. е., «смысл жизни — жизнь» — ср. с развернутым «...*Благо, совершенная жизнь, полнота и покой удовлетворенности и свет истины есть одно и то же, и в нем и состоит смысл жизни*» (С. Л. Франк, [39]);
- 3) в этой парадигме естественным образом снимается проблема отсутствия концовки или завершенности романа — мир «Евгения Онегина» является цельным (полным) и открытым в бахтинском понимании «открытой событийности бытия» [7], см. также [1].

Благодарности

Автор признателен Н. И. Мальцевой за плодотворные дискуссии и критические замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов С. С. Событие у М. М. Бахтина как происхождение сущего / С. С. Аванесов // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 1 (31). С. 23-30.
2. Аранс О. Р. Тайный миф Онегина / О. Р. Аранс // Славянский альманах: 2004. Москва: Издательство Индрик, 2005. С. 381-404.
3. Артамонов М. Д. Еще раз о X главе «Евгения Онегина» / М. Д. Артамонов // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / Российская Академия Наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Пушкинская комиссия. Москва: Наследие, 1995. Вып. II. С. 292-304.
4. Ахматова А. А. Пушкинские студии / А. А. Ахматова // Собрание сочинений. Москва: Эллис Лак 2000, 2002. Т. 6. С. 56-157.
5. Барский О. В. Сюжетная полифония «Евгения Онегина»: Ленский и Татьяна / О. В. Барский // Омский Научный Вестник. 2013. № 4 (121). С.113-117.
6. Бахтин М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. С. 72-233.
7. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984-1985 / публ., вступ. ст. С. Г. Бочарова; примечания С. С. Аверинцева. Москва: Наука, 1986. С. 80-160.
8. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. Ленинград: Прибой, 1929. 103 с.
9. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина... Статьи восьмая и девятая / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч.: В 13 т. Москва, 1955. Т. 7. С.431-504.

10. Бочаров С. Г. «Форма плана»: Некоторые вопросы поэтики Пушкина / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. 1967. № 12. С.119.
11. Бочаров С. Г. Французский эпиграф к Евгению Онегину / С. Г. Бочаров // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32, no. 2, pp.173-188.
12. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н. Л. Бродский. Москва: Мир, 1932. 246 с.
13. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина / М. О. Гершензон // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. С. 207-243.
14. Гёте И. В. Фауст / И. В. Гёте. Перевод Б. Л. Пастернака. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. 619 с.
15. Гринбаум О. Н. Изначальный Онегин: ритм, смысл, интерпретации / О. Н. Гринбаум // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 9. Вып. 3 (ч. 1). С. 3-12.
16. Добрицын А. А. Эпиграмматические цитаты в «Евгении Онегине» / А. А. Добрицын // Philologica. 2005. Т. 8. № 19-20. С. 175-186.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26 / Ф. М. Достоевский. Ленинград: Наука, 1984. С.129-149.
18. Евгений Онегин / Ред. текста, ст. и коммент. Б. Томашевского. Ленинград: Гослитиздат, 1937. С. 255-298.
19. Котельников В. А. Духовный труженик / В. А. Котельников. Ред. Э. С. Лебедева. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 550 с.
20. Лазаревич К. С. Положить «Онегина» на карту / К. С. Лазаревич // Литература. 2008. № 11. С. 20-26.
21. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1995. С. 391-762.
22. Люлька В. М. Эпиграфы в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как форма интертекстуальности / В. М. Люлька // Філологічні науки. 2010. № 1. С. 76-81.
23. Макогоненко Г. П. Избранные работы. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Г. П. Макогоненко. Ленинград: Советский писатель, 1987. 398 с.
24. Мережковский Д. С. Пушкин / Д. С. Мережковский // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX в. Москва: Книга, 1990. С. 92-160.
25. Мицкевич А. Собрание сочинений Адама Мицкевича / А. Мицкевич. Под ред. Н. Полевого. Том 4. Москва: Товарищество М. О.Вольф, 1902. С. 1-195.
26. Непомнящий В. С. Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина» / В. С. Непомнящий // Московский пушкинист: Ежегодный сборник / Российская Академия Наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького. Пушкинская комиссия. Москва: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 135-165.
27. Непомнящий В. С. «Евгений Онегин» как проблемный роман / В. С. Непомнящий // Собрание сочинений в 5 томах. Том 3. Москва: Московский государственный институт культуры, 1999. С. 426-468.
28. Никоненко В. С. «Евгений Онегин» философия романа / В. С. Никоненко // Труды по русской философии и литературе. Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С.409-425.
29. Полевой Н. А. Московский Телеграф / Н. А. Полевой. 1833. № 6. С. 237-238.

30. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах / А. С. Пушкин. Ред. текста, примеч. и объяснит. статьи С. Бонди. Москва; Ленинград: Детиздат, 1936. 323 с.
31. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937-1959. Т. 6. Евгений Онегин. Ред. Б. В. Томашевский. 700 с.
32. Пушкин А. С. Критика и публицистика: Статьи и заметки / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937-1959. Т. 11. Критика и публицистика. С. 7-278.
33. Рубцова С. П. Герменевтический анализ романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / С. П. Рубцова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. Воронеж, 2014. № 3. С. 71-84.
34. Сидяков Л. С. Из истории комментирования «Евгения Онегина» / Л. С. Сидяков // Ученые записки Тартуского государственного университета. Сборник статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 175-182.
35. Старк В. П. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / В. П. Старк // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2013. 688 с.
36. Терц А. (Синявский А. Д.) Прогулки с Пушкиным / А. Терц (А. Д. Синявский). Санкт-Петербург: Всемирное слово, 1993. С. 50-65.
37. Тойбин И. М. «Евгений Онегин»: Поэзия и история / И. М. Тойбин // Пушкин: Исследования и материалы. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1979. Т. 9. С. 83-99.
38. Франк С. Л. Этюды о Пушкине / С. Л. Франк. Москва: Согласие, 1999. 177 с.
39. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Сочинения. Москва, 1995. С. 89-105.
40. Чудаков А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» / А. П. Чудаков // Пушкинский сборник. Москва: Три квадрата, 2005. С. 210-237.
41. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. В мире стихотворного романа. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / Ю. Н. Чумаков. Москва: Издательство МГУ, 1999. 128 с.
42. Чумаков Ю. Н. Евгений Онегин / Ю. Н. Чумаков, М. Н. Виролайнен, Е. О. Ларионова // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 2. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. 600 с.
43. Cravens C. Lyric and narrative consciousness in Eugene Onegin / C. Cravens // The Slavic and East European Journal. 2002. Vol. 46, no. 4, pp. 683-709.
44. Molnár A. Bakhtin and Lotman: Pushkin's Eugene Onegin as space for dialogue / A. Molnár // The Dostoevsky Journal. 2016. Vol. 17 (1), pp. 65-75.
45. Nabokov V. Eugene Onegin: a novel in verse: commentary / V. Nabokov, A. Pushkin. Princeton University Press, 1990. Vol. 2.
46. Nabokov V. Eugene Onegin: a novel in verse: introduction and translation / V. Nabokov, A. Pushkin. Princeton University Press, 1990. Vol. 1.

Vladimir D. SHILTSEV¹

UDC 821.161.1

ON THE POLYPHONY OF MEANINGS IN “EUGENE ONEGIN”

¹ Dr. Sci. (Phys.-Math.),
Foreign Corresponding Member of Academy of Sciences,
Institute of Bologna (Bologna, Italy)
vladimir.shiltsev@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3282-4701

Abstract

The questions of the higher hermeneutics of “Eugene Onegin” have been repeatedly considered by literary critics and philosophers, leaving a wide range of mostly subjective opinions about the meaning of the novel. We propose a new approach to isolating the main semantic series and an analysis of their development and interweaving in the text. We single out a number of main categories of meanings, and for each stanza of the novel, one or more of the most appropriate categories have been marked. The resulting graphic structures made it possible to trace the development and interweaving of meanings in the text. It was found that three-quarters of the stanzas of “Eugene Onegin” are polyphonic, in which, in addition to one semantic dominant, there is clearly another, and often a third and even a fourth one. The most frequently occurring bundles of meanings in individual stanzas or in the transition from one stanza to the next stanza are also analyzed. Our approach also make it possible to suggest a possible semantic load of the missing stanzas, marked in the text with dots, and to trace the numerous episodes of the novel when what is happening goes beyond the literary work and enters the real world, for example, through the involvement of the reader. Comparison of “Eugene Onegin” with the works of other contemporary writers and with other masterpieces of Pushkin himself shows a fundamental difference in breadth and excellent perfection of Pushkin’s creation in terms of semantic polyphony. Although the mere presence or absence of semantic polyphony, of course, is not a sufficient condition for literary piece to become a work of genius — it depends more on the realization: a combination of polished style, purity and clarity of language, the ability to evoke a reader’s emotional response etc., but the polyphony meanings of “Eugene Onegin” which we reveal does help to understand

Citation: Shiltsev V. D. 2022. “On the polyphony of meanings in ‘Eugene Onegin’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 1 (29), pp. 76-107.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

the highest meaning and extraordinary, “vital” harmony of the work, making it a unique phenomenon in world literature.

Keywords

Pushkin, Eugene Onegin, hermeneutics, categories of meaning, polyphony, pushkinology, Bakhtin.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-1-76-107

REFERENCES

1. Avanesov S. M. 2017. “Bakhtin’s event as the origin of being”. *Ideas and Ideals*, vol. 1, no. 1 (31), pp. 23-30. [In Russian]
2. Arans O. R. 2005. “Secret myth of Onegin”. *Slavic Almanac: 2004*. Moscow: Indrik Publishing House. Pp. 381-404. [In Russian]
3. Artamonov M. D. 1995. “Once again about the 10th chapter of ‘Eugene Onegin’”. *Moscow Pushkinist: Annual Collection*. Russian Academy of Sciences, Institute of World Literature Named after A. M. Gorky. Pushkin Commission. Moscow: Nasledie. Vol. 2, pp. 292-304. [In Russian]
4. Akhmatova A. A. 2002. “Pushkin Studios”. *Collected Works*, vol. 6. Moscow: Ellis Lak 2000. Pp. 56-157. [In Russian]
5. Barsky O. V. 2013. “Subject polyphony ‘Eugene Onegin’: Lensky and Tatiana”. *Omsk Scientific Bulletin*, no. 4 (121), pp. 113-117. [In Russian]
6. Bakhtin M. M. 1975. “Word in the novel”. Bakhtin M. M. *Questions of Literature and Aesthetics*. Studies of Various Years. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. Pp. 72-233. [In Russian]
7. Bakhtin M. M. 1986. “To the philosophy of an act”. *Philosophy and Sociology of Science and Technology: Yearbook, 1984-1985*. Edited by S. G. Bocharov, S. S. Averintsev. Moscow: Nauka. Pp. 80-160. [In Russian]
8. Bakhtin M. M. 1929. *Problems of Dostoevsky’s Creativity*. Leningrad: Priboy. 103 p. [In Russian]
9. Belinsky V. G. 1955. “The works of Alexander Pushkin ... Articles 8th and 9th”. *Complete Set of Works: In 13 Volumes*. Moscow. Vol. 7. Pp. 431-504. [In Russian]
10. Bocharov S. G. 1967. ““The form of the plan’: Some questions of Pushkin’s poetics”. *Questions of Literature*, no. 12, p.119. [In Russian]
11. Bocharov, S. G. 1991. “French epigraph to Eugene Onegin”. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. 32, no. 2, pp. 173-188. [In Russian]
12. Brodsky N. L. 1932. *Commentary on the Novel by A. S. Pushkin “Eugene Onegin”*. Moscow: Mir. 246 p. [In Russian]
13. Gershenson M. O. 1990. “The wisdom of Pushkin”. *Pushkin in Russian Philosophical Criticism: The End of the 19th — the first half of the 20th Century*. Moscow: Kniga. Pp. 207-243. [In Russian]
14. Goethe I. V. 1960. *Faust*. Translated by B. L. Pasternak. Moscow: Fiction State Publishing House. 619 p. [In Russian]
15. Grinbaum O. N. 2008. “Primordial Onegin: rhythm, meaning, interpretation”. *Saint-Petersburg State University Herald. Series 9, no. 3 (part 1)*, pp. 3-12. [In Russian]

16. Dobritsyn A. A. 2005. "Epigrammatic quotes in 'Eugene Onegin'". *Philologica*, vol. 8, no. 19-20, pp. 175-186. [In Russian]
17. Dostoevsky F. M. 1984. *Complete Works*, vol. 26. Leningrad: Nauka. Pp. 129-149. [In Russian]
18. Tomashevsky B. (ed.). 1937. *Eugene Onegin*. Leningrad: Goslitizdat. Pp. 255-298. [In Russian]
19. Kotelnikov V. A. 1999. *Spiritual Worker*. Edited by E. S. Lebedeva. Saint-Petersburg: Nauka. 550 p. [In Russian]
20. Lazarevich K. S. 2008. "Place 'Onegin' on the map". *Literature*, no. 11, pp. 20-26. [In Russian]
21. Lotman Yu. M. 1995. A. S. "Pushkin's novel 'Eugene Onegin'". Lotman Yu. M. *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960-1990; "Eugene Onegin": Commentary*. Saint-Petersburg: Art-SPB. Pp. 391-762. [In Russian]
22. Lyulka V. M. 2010. "Epigraphs in the A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* as a form of intertextuality". *Philological Sciences*, no. 1, pp. 76-81. [In Russian]
23. Makogonenko G. P. 1987. *Selected Works. A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"*. Leningrad: Soviet writer. 398 p. [In Russian]
24. Merezhevsky D. S. 1990. "Pushkin". *Pushkin in Russian Philosophical Criticism: The End of the 19th — The First Half of the 20th Century*. Moscow: Kniga, 1990. Pp. 92-160. [In Russian]
25. Mitskevich A. 1902. *Collected Works of Adam Mitskevich*. Edited by N. Polevoy. Vol. 4. Moscow: Tovarischestvo M. O. Wolf. Pp. 1-195. [In Russian]
26. Nepomniashchii V. S. 1995. "From observations of the text of 'Eugene Onegin'". *Moscow Pushkinist: Annual Collection. Russian Academy of Sciences, Institute of World Literature named after A. M. Gorky. Pushkin Commission. Moscow: Nasledie. Iss. 2*, pp. 135-165. [In Russian]
27. Nepomnyashchii V. S. 1999. "'Eugene Onegin' as a problem novel". *Collected Works in 5 Volumes. Vol. 3*. Moscow: Moscow State Institute of Culture. Pp. 426-468. [In Russian]
28. Nikonenko V. S. 2014. "'Eugene Onegin' philosophy of the novel". *Proceedings of Russian Philosophy and Literature*. Saint-Petersburg: Russian State Civil Aviation Academy Publishing House. Pp. 409-425. [In Russian]
29. Polevoy N. A. 1833. *Moscow Telegraph*. No. 6, pp. 237-238. [In Russian]
30. Pushkin A. S. 1936. *Eugene Onegin: A Novel in Verse*. Edited by S. Bondi. Moscow; Leningrad: Detizdat. 323 p. [In Russian]
31. Pushkin A. S. 1937-1959. *Complete Works: In 16 Volumes*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. Vol. 6. *Eugene Onegin*. Edited by B. V. Tomashevsky. 700 p. [In Russian]
32. Pushkin A. S. 1937-1959. "Criticism and journalism: articles and notes". *A. S. Pushkin Complete Works: In 16 Volumes*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. Vol. 11. *Criticism and journalism*. Pp. 7-278. [In Russian]
33. Rubtsova S. P. 2014. "A hermeneutic analysis of the novel in verses by A. S. Pushkin 'Eugene Onegin'". *Voronezh State University Herald. Series Philosophy*, no. 3, pp. 71-84. [In Russian]
34. Sidiyakov L. S. 1992. "From the history of commenting on 'Eugene Onegin'". *Scientific Notes of the Tartu State University. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Professor Yu. M. Lotman*. Tartu. Pp. 175-182. [In Russian]

35. Stark V. P. 2013. "Commentary on the novel by A. S. Pushkin 'Eugene Onegin'". A. S. Pushkin "Eugene Onegin". Saint-Petersburg: Vita Nova. 688 p. [In Russian]
36. Terz A. (Sinyavsky A. D.) 1993. Walks with Pushkin. Saint-Petersburg: World Word. Pp. 50-65. [In Russian]
37. Toybin I. M. 1979. "'Eugene Onegin': Poetry and history". Pushkin: Research and Materials. Leningrad: Nauka. Leningrad branch. Vol. 9, pp. 83-99. [In Russian]
38. Frank S. L. 1999. Etudes on Pushkin. Moscow: Consent. 177 p. [In Russian]
39. Frank S. L. 1995. "Meaning of life". Compositions. Moscow. Pp. 89-105. [In Russian]
40. Chudakov A. P. 2005. "On the problem of the total commentary of 'Eugene Onegin'". Pushkin Collection. Moscow: Three squares. Pp. 210-237. [In Russian]
41. Chumakov Yu. N. 1999. "'Eugene Onegin' of A. S. Pushkin". In the World of a Poetic Novel. To Help Teachers, High School Students and Applicants. Moscow: Moscow State University Publishing House. 128 p. [In Russian]
42. Chumakov Yu. N., Virolainen M. N., Larionova E. O. 2012. "Eugene Onegin". Pushkin Encyclopedia: Works. Iss. 2. Saint-Petersburg: Nestor-History. 600 p. [In Russian]
43. Cravens C. 2002. "Lyric and narrative consciousness in Eugene Onegin". The Slavic and East European Journal, vol. 46, no. 4, pp. 683-709.
44. Molnar A. 2016. "Bakhtin and Lotman: Pushkin's Eugene Onegin as space for dialogue". The Dostoevsky Journal, vol. 17 (1), pp. 65-75.
45. Nabokov V., Pushkin A. 1990. Eugene Onegin: a novel in verse: commentary. Princeton University Press. Vol. 2.
46. Nabokov V., Pushkin A. 1990. Eugene Onegin: a novel in verse: introduction and translation. Princeton University Press. Vol. 1.